

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/381166>

Будешь баловаться - женись!

Направленность: Слэш

Автор: Orbit без сахара (<https://ficbook.net/authors/114365>)

Фэндом: Ориджиалы

Пейринг или персонажи: Иван Царевич и Кощей Бессмертный

Рейтинг: R

Жанры: Юмор, Фэнтези, Пародия, Стёб

Размер: Мини, 22 страницы

Кол-во частей: 6

Статус: закончен

Описание:

- Выходи на честный бой, супостат проклятый!
- Э... - Кощей недоуменно скосился на блондинистое недоразумение. - Ваня, ты дурак?
- Нет, Царевич! Биться будем?
- Я, Вань, бессмертный вообще-то...

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Да-да - сарказм и полный ООС. И?

Это приквел к "Иван Царевич vs Василиса Премудрая" (<http://ficbook.net/readfic/310685>) о том, как Коть с Лапом сдыбались:)

ТОС

ТОС	2
Жилищный вопрос	3
Тысяча и один способ убить Кощея Бессмертного	8
О календарях, полыни и странных аллергиях	12
Выходи, подлый трус!	16
После таких откровений ты просто обязан на мне жениться!	19
Не злите женщин или Начало другой истории	22

Жилищный вопрос

— Девушка, милая моя, хорошая...

— Нет.

— Что «нет»?

— Нет!

— Не милая? — девушка приподняла одну бровь. — Не девушка? — вверх поползла вторая.

Высокий и невероятно худой молодой человек в затрапезных кожаных штанах и просторной белой рубашке навыпуск разочарованно опустил на стул и тяжело вздохнул:

— Ну, я тогда даже не знаю... Взятки берете?

— Нет.

— А конфетами?

— Нет.

— Коньяком?

— Нет.

— Натурой?

— Заманчиво... — зеленоволосая молодая кикимора по ту сторону стола хмыкнула и окинула «товар» оценивающим взглядом, -...но нет. А вот она взяла бы... — и ткнула пальцем в сторону соседнего офиса.

— Вот и ладушки... — начал подниматься посетитель.

-... но она не занимается земельными вопросами.

— Вот же ж!.. — рухнул он обратно на стул и зло взъерошил короткие темные волосы.

— Ну и что прикажете мне делать?

— Попробуйте договориться с соседями, — меланхолично предложила зеленоволосая, полируя коготки маленькой костяной пилочкой.

— О чём, девушка?! — взвился брюнет. — Это мои земли! Я живу там уже чёрт знает сколько лет!..

— Живёте, — согласилась кикимора, — но они подали заявку раньше, а значит, имеют

полное право.

— Ну как же раньше-то? — в голосе парня звучала такая обреченность, что стало понятно — спор этот ведётся уже не в первый, и даже не в десятый раз. — Вы на даты хоть смотрели?

— Смотрела, — с той же обречённостью человека, вынужденного повторять прописные истины в тысячный раз, кивнула девушка. — Ваша заявка от 1962 года, а их — от 1554. Сами посчитаете али счёты дать?

— Но я же уже говорил, что это 1962 до Рождества Христова! До! — бушевал посетитель. — А у них — после!

— А я Вам тоже уже объясняла, — всё так же не повышая голоса отмахнулась кикимора, — что у нас нет возможности оперировать отрицательными датами, — она ткнула пальцем в огромный мешок с фасолью, сиротливо заброшенный в углу офиса. — Как Вы себе представляете, что я буду откладывать минус тысяча девятьсот шестьдесят одну...

— Две!

-... две фасолины?

— Но девушка...

— Господин Бессмертный, — сурово оборвала та его, видимо, исчерпав лимит собственного терпения в данной беседе. — Сделайте всем нам большое, просто-таки огромное одолжение, а? Договоритесь с соседями и не морочьте мне больше голову!

— Договориться? — пробурчал молодой с виду человек, с силой захлопывая за собой дверь, и сверкнул холодными расчётливыми глазами, мигом выдавшими его настоящий возраст. — А вот фиг вам всем! Фасоль у неё неотрицательная... Фу ты, ну ты, натурой её не устраивает... Тьфу! Кикимора болотная! Мои это земли! Мои! Ха! — он внезапно успокоился и хитро сощурился. — Не хотите по-хорошему, и не надо. Посмотрим, как вы меня выселять будете... Ха! Ха-ха! Ну-ну...

В то же время, где-то в том же здании.

— Девушка, милая моя, хорошая... — импозантный мужчина лет пятидесяти в длиннющей подбитой белоснежным мехом бордовой мантии и с тяжелой золотой короной на седой голове умоляюще заглядывал адвокату в глаза.

— Какая я вам девушка?! — удивленно вкинул брови заросший шерстью по самые уши леший.

— Простите, это он по привычке, — отозвался второй проситель. Тоже пожилой и седой, но пониже ростом, поплотнее, да и одетый попроще и поудобнее. Свою корону, не менее богатую и тяжелую, он нервно крутил в руках. — Так, что там с нашей тяжбой?

— Во-первых, — леший демонстративно загнул один когтистый палец, — снимите головной убор. Вы, Ваше Величество, всё же в помещении.

Обладатель бордовой мантии сверкнул глазами, но корону снял.

— Во-вторых, — загнулся следующий палец. — Теоретически? Вы, конечно, правы. Но, так как официального заявления о вступлении в права владения не было, то с юридической точки зрения никаких претензий к господину Бессмертному предъявить нельзя.

— И как нам вступить в это... В официальное? — уловил из адвокатского бреда главное тот, что в мантии.

— Теоретически? Достаточно просто. Всего-то и надо, что прийти к нему, в сопровождении судебного пристава, конечно же, и сообщить: мол земли Ваши, а он пусть уматывает на все четыре стороны.

— И где нам взять пристава?

— Теоретически?

— Давай, завязывай со своей теорией! — не выдержал коротышка. — Развел тут политес, понимаешь! Говори уже где, Бархуд! Где?

— Значит, практически, — не повел даже ухом леший. — А нигде.

— В каком смысле, нигде? — ахнули оба короля.

— В прямом. Ваши Величества, как Вы себе представляете ненормального, который пойдет выселять Кощея Бессмертного? — лица королей вытянулись. — То-то же...

— И чё теперь делать? — венценосные особы беспомощно переглянулись между собой и опять уставились на лешего.

— Договориться с соседом не пробовали?

— Как?

— Ну, это уже вопрос не к адвокату, а к консультанту по урегулированию конфликтов, — извиняясь развел тот лохматыми руками.

— И где нам его взять?

— Теоретически? — низенький посетитель сурово насупил брови, чем заставил Бархуда примиряюще пробормотать: — Ладно, ладно. Я понял.

Леший воровато осмотрелся по сторонам и, убедившись, что они одни, убрал табличку с

золотым тиснением «Бархуд Заявич, нотариус и адвокат». Порылся в куче таких же табличек в соломенной кошелке и водрузил на стол «Бархуд Заявич, консультант по урегулированию конфликтов».

— Это за отдельную плату, — предупредил он. Короли опять переглянулись и, тяжело вздохнув, выложили перед ним по очередной золотой монете.

— Так чем я могу помочь? — Бархуд смахнул монетки со стола и выжидающе уставился на посетителей.

— Ты издеваешься? — начал приподниматься тот, что в мантии, выуживая из-за спинки стула здоровенный посох.

— Федор Лазаревич, — тут же исправился леший, — я все понял. Давайте без рук.

— Ну и?

— Видится мне, — начал Бархуд, — что вариантов у вас целых три. Один — быстрый, но стопроцентной гарантии не дам. Грохнуть вашего соседушку надо бы. Нет человека — нет проблемы.

— С ума сошел... — опешил второй король. — Как его грохнешь? Он же бессмертный!

— Так я, Ярослав Владимирович, предупреждал, что стопроцентной гарантии и не даю. Зато, если выгорит, то результат мгновенный!

— А второй вариант?

— Дочки есть? — Ярослав кивнул, Фёдор тоже, но потом вдруг сплюнул и замотал головой. — Так есть? Да? Замечательно. Значит, династический брак. Тут, конечно, потяжелее будет. Я так с ходу и не придумаю, как вам господина Бессмертного к такому склонить. Но, думаю, начать можно классически.

— Сватов заслать? — уточнил Федор.

— Приворотным зельем опоить! — умилился такой наивности леший. — Ну и третий вариант. Самый долгоиграющий, зато гарантия почти сто процентов, — короли аж привстали в нетерпении. — Дождаться, пока Кощей сам от старости помрет!

— Нет, ты издеваешься! — протянул Ярослав. — Он же бессмертный!

— Ну, придется подождать, да...

— Значит, брак, — пробормотал Ярослав, царь Тридесятого Царства, глядя в спину направлявшегося к своей карете Федору. — Главное, первым успеть, пока Федыка Ваньку на бой не послал.

— Значит, грохнуть... — думал по пути владыка Царства Тридевятого. — Главное первому успеть, пока Ярик Василису с цепи не спустил!

Тысяча и один способ убить Кощея Бессмертного

Кощей устало потянулся в своём любимом кресле перед камином и, блаженно вздохнув, вытянул ноги к огню. Как же хорошо расслабиться вот так в конце дня с любимым юмористическим фолиантом по теории пыток и бокальчиком коллекционного коньячка. М-м... Денёк выдался сумасшедшим.

Сначала эта делегация из Тридесятого Царства. С пожеланиями всего наилучшего, заверениями мира-дружбы-пирожков и настойчивыми рекомендациями отведать по этому поводу от лучшего вина из погребка самого царя Ярослава. Бутылка оного прилагается. Подозрительно знакомая, пузатая такая, пыльная, бутылка зелёного стекла с наклейкой «Зелье Приворотное, натур. продукт, на животных не тестировано» на днище, не далее как три дня назад купленная какой-то подозрительной личностью у самого же Кощея. Идиоты... Делегации была проведена экскурсия по темнице и пыточной, с подробными объяснениями разговорчивого и улыбчивого гида, для чего что нужно и как чем пользоваться. С последующими выражениями надежды на скорый визит царя-батюшки в одну из камер, ежели подобное повторится. Послы вняли и скоренько откланялись.

Далее был тот молодой паренёк, время от времени являвшийся к Кощейю на предмет смерти последнего. Убить его он даже и не пытался, но периодически захаживал проверить, не сделал ли этого кто другой. Дело в том, что отец его невесты выставил условие — хошь жениться, соверши подвиг. Исходя из того, какой именно подвиг предполагался, Бессмертный делал вывод, что согласия на брак парень не получит полюбому, будь он хоть триста раз герой и богатырь. Но тот был тверд в своей любви, а может просто — твердолоб, и Кощейю его стало просто по-человечески жалко. На него иногда накатывало. Сам себе был противен в такие моменты, но поделаться ничего не мог. Вот, хоть сдохни, а руки чесались творить добро и сеять хорошее. А потому он быстренько набросал заверительную грамоту, мол мамой клянется, а предъявитель сего разорвал супостата, аки Тузик грелку. Поставил свою печать, подпись и отпустил счастливого влюбленного восвояси.

Плюс обычные ежедневные дела по поддержанию замка и репутации. Рутинка. Ну, там, пыль с дыбы стереть али девицу на сеновале потискать. Утомился он, в общем.

Кощей прикрыл глаза и с наслаждением втянул в себя аромат коньяка. Пить он не очень любил, а точнее, не умел — хмелел быстро, глупости начинал делать. А вот запах ему нравился. Из неги его выдернуло какое-то подозрительное шебуршание рядом. Распахнув глаза, он в недоумении уставился на высоченного светловолосого незнакомца, деловито раскладывавшего какие-то склянки и железяки на низком кофейном столе между ними.

— Ты кто? — ошарашено поинтересовался Кощей, разглядывая нахального нарушителя границ частной собственности.

— Иван, — прозвучало в ответ так уверенно, как вроде это что-то объясняло.

— Фёдорович.

— А я Костик...

— Да мне по барабану как тебя, ирода, зовут, — сурово отрезал блондин, продолжая вытаскивать из котомки мечи, ножи и прочие колюще-режущие орудия, явно не кухонной принадлежности.

— Не хаами, — насупился ирод. — Чё те надо, Ваня?

— Убивать тебя буду, — просветили его. — И не мешай, а то запутаюсь.

— Да ты не торопись, — прифигел Костик от такого заявления. — Я подожду.

— Ну, спасибо, — язвительно скривился Иван, перекинул через правое плечо длинную, до пояса косу, расправил богатырские плечи и, встав в картинную позу «русский богатырь на партзадании», с пафосом объявил: — Выходи на честный бой, супостат проклятый!

— Э... — Кошей недоуменно скосился на блондинистое недоразумение. — Ваня, ты дурак?

— Нет, Царевич! Ну?

— Нет!

— Что «нет»? — опешил парень.

— А что «ну»?

— Биться будем?

— Зачем?

— Так, убивать же... — обиженно протянул Фёдорович.

— Я, Вань, бессмертный вообще-то, — доверительно просветил его супостат.

— И что?

— Ну, меня, вроде как, нельзя убить. Чё ж мечом зря махать-то?

— Та-а-а-к... — протянул Иван и, вытащив из-за пазухи какую-то бумажку, пробежался по ней глазами. — Не хочешь по-честному, значит. Ладно, фиг с тобой. Тогда пойдём по списку.

— Какому списку? — Кошей с интересом наблюдал, как вторженец, отложив в сторону тяжёлый двуручный меч, перебирает свои склянки.

— Я тут справки навёл, — охотно пояснил парень, не прекращая своего занятия, — так что, вариантов у меня море. Не хошь биться — не надо! — и коварно сыпанул в собеседника какой-то пыльцой.

— Что за хре... Апчи! — в носу нещадно засвербило. — Это что за хрень?!

— Не зна... Апчи! В лавке купи... Апчи! Сказали, что... Апчи! Да блин, сделай что-нибудь... Апчи!

Кощей щёлкнул пальцами и ветерок, ворвавшийся в распахнувшееся внезапно окно, послушно развеял облако вонючей пыли.

— По ощущениям, — со знанием дела сообщил колдун, — там перец. Английский. Отборный. И чеснок. И, кажется, карри... Ты, Ванечка, меня убивать пришёл али мариновать?

— Как получится, — беспечно отмахнулся тот и, взяв в руки очередной бутылёк, сверился со списком. — Продолжим?

— Я тебе сейчас продолжу! — пригрозил Кощей, всерьёз забеспокоившись о своём психологическом здоровье, и требовательно протянул руку: — А ну, покажи, что там у тебя ещё?

Ваня на секунду задумался, настороженно смерил озлобленного кандидата в трупы недоверчивым взглядом и... отдал ему бумагу.

— Да на, — бросил он. — Заодно посмотри, может, подскажешь чего, — и, рухнув в соседнее кресло, потянулся за коньяком.

— Нет, ну ты точно дурак, — протянул Кощей и рыкнул: — Руки!

— Спокойно, Костик, — Иван даже и не подумал остановиться. — Я только понюхать.

— Нюхалку оторву! — пригрозил супостат и заглянул в бумажку. — О! А это как?
— ткнул он пальцем в один из пунктов в списке.

— Э... Не уверен, — Ваня почесал затылок и предложил: — Можно оставить напоследок, там разберёмся.

— Хм... О! А какая разница между «победить в честном бою» и «набить морду»?

— А! Второе, это так, для души, — блаженно сощурился парень.

— А-ха-ха! — следующий пункт. — Лап, а что у тебя в школе по анатомии было?

— Как ты меня назвал?! — богатырь мгновенно подобрался и опасно сощурился.

— А вот это, — проигнорировал его Кощей, скривившись, — я пить не буду!

— Трепещешь? — сверкнул глазами Ваня, мгновенно забыв о взбесившем его прозвище.

— Брезгую! — опроверг изверг и в свойственной всем извергам манере отобрал у парня самое святое — бокал с коньяком. Ткнул в следующую строчку. — А вот тут, почему лопатой-то?

— А я знаю? — пожал косой саженью блондин и выудил из своей котомки походную алюминиевую кружку. — Так в книге было.

— Какой книге?

— «Тысяча и один способ убить Кощея Бессмертного», — охотно слил он источник.

— Ах, в этой... — Кошей сам писал тот юмористический фолиант. Лет триста назад. По жуткой пьяни. Собственно, с тех пор он и не пьёт. — Это многое объясняет. Так, — он решительно вычеркнул один из пунктов. — Это сразу отпадает.

— А чёй-то? — насупился парень, прикладываясь к бутылке. — Я б, кстати, попробовал...

— Извращенец... Нафиг! Нафиг! — перекрестился Кошей, чем заставил Ивана поперхнуться коньяком. — Я ночью на кладбище не попрусь!

— А не на кладбище? — окинув его внимательным, оценивающим взглядом, уточнил царевич.

— А где у Вас, молодой человек, написано про не кладбище? Вот списочек откорректируете, тогда и поговорим!

— Так я могу прямо сейчас! — потянулся Ваня к бумажке, за что немедленно получил по рукам.

— О! — заценил Кошей следующий пункт. — Утку в зайца? Я б на это посмотрел. Принести живность?

— Да? — Ваня посмотрел на указываемую строчку, перевел взгляд на Кощея, задумался и поскучнел. — Может, в другой раз?

— Ну вот! — Кошей опустился назад в кресло. — Ну и что делать будем?

— Пожрать бы, — прагматично заключил Ваня, — и поспать. Завтра продолжим.

— Вот, нахал! А не боишься?

— Не, Коть, не боюсь, — блондин лениво потянулся и требовательно уточнил: — Ну? Так ты меня покормишь или как?

— Как. Ты. Меня. Назвал?

О календарях, полыни и странных аллергиях

— А в четверг? — Ваня, разложив на коленях огромный перекидной календарь, обитый вытертой кожей и инкрустированный лягушачьими черепами, допытывался до лениво развалившегося в кресле напротив Кощея.

За окном светило солнышко, пели птички, стрекотали пёстрые и юркие стрекозы и умопомрачительно пахла сирень. Мерзость, короче. А тут ещё этот Царевич со своей идиотской миссией.

— В четверг никак, — супостат передёрнул плечами, словно сгоняя надоедливую муху, и потянулся за бисквитным печеньем. — У меня очередь к врачу.

— К какому врачу? — требовательно уточнил Иван, провожая печальным взглядом исчезнувшую пироженку. Вот гад! Поглощает их десятками и хоть бы хны. Ирод, одним словом.

— К психиатру! — Костик проглотил ещё один бисквит и с наслаждением принялся облизывать испачканные в креме пальцы. — Буду восстанавливать нервы после твоего визита!

— Ой, да прям... А после врача?

— А после врача я буду восстанавливать нервы от визита к врачу. Слушай, а может, ты вместо меня сходишь?

— Чего? — опешил Ванечка. — Мне-то к нему за каким чертом?

— Ну как же? — лукаво ухмыльнулся ирод и, расположившись поудобнее, начал объяснять: — Ты — псих. Псих, псих, не возражай. Достаёшь меня. Я иду рассказывать об этом ему. А он говорит мне, что сказать тебе, чтобы ты от меня отвял. Тебе не кажется, что я в этой цепочке звено лишнее?

— Не кажется! — буркнул Царевич, подпихивая блюдо с бисквитами ещё ближе к колдуну. — И чего это я псих?

— А как назвать человека, педантично пытающегося убить того, кого по определению убить нельзя?

— Целеустремлённым? — предположил Ваня и, вернувшись к календарю, продолжил: — В пятницу?

— В эту?

— Нет, Коть, в позапрошлую!

— В позапрошлую можно.

— Издеваешься? В эту конечно!

— В эту не могу.

— Почему?

— Экзамен у меня. Хотелось бы сосредоточиться, знаешь ли, — Кошей от души отхлебнул из своей чашки и с громким нецензурным сопровождением выплюнул содержимое обратно. — Ты что, полыни сюда бухнул?

— Аха... — Ваня приподнялся, оттянул одним пальцем опешившему от такой наглости Кошей веко, пощупал пульс, потрогал лоб и, рухнув обратно в кресло, уныло протянул: — Значит, про полынь тоже соврали.

— Так... — ирод подозрительно сощурился. — А в бисквитах что?

— Цианид, — с печальным вздохом сознался парень.

— Да? — Кошей засунул в рот ещё одну пироженку и с удовольствием принялся жевать.
— Фкушненько полушилошь!

— Вот гад! — сплюнул Царевич. — В субботу?

— С ума сошёл? — округлил глаза его собеседник. — Пост же! Ты как хочешь, а я грех на душу брать не буду.

— Воскресенье? — Костик выразительно покрутил пальцем у виска. — Понедельник?

— Тоже нет.

— Ну, а в понедельник-то, почему нет? — взвыл блондин.

— У сеструхи день рождения, — с готовностью просветил его супостат. — Я, конечно, бессмертный, но она, знаешь ли, тоже. Не дай Боженька, испортим ей праздник! Нет-нет-нет. Даже не уговаривай!

— Вторник? — обессилено предложил Иван.

— Не. Во вторник у меня болит голова.

— Ну откуда?! — взвился парень, уже до чёртиков уставший подыскивать подходящую дату. — Откуда ты сейчас знаешь, что во вторник у тебя будет болеть голова, а?

— Дык, это... — почесал макушку Кошей, — я ж говорю — в понедельник у сеструхи день рождения.

— Как ты меня достал! — Иван зашвырнул календарь в пыльный угол и обиженно надул губы. — Я тут месяц уже торчу! В плохом смысле этого слова. Мы так никогда сразиться

не выйдем.

— Знал бы ты, как ты меня достал, — пробормотал себе под нос Кощей. — И, главное, выпереть-то тоже не получается. Репейник хренов.

— Что? — не расслышал Ваня.

— Ничего. Чаю, говорю, хочешь?

— Чаю? — парень передёрнулся, вспомнив чего намешал в чайнике в этот раз. — Не, к черту чай, неси лучше коньяк.

Проснулся Ваня от собственного богатырского храпа и тупой боли в том месте, где, по идее, должна была быть голова. С трудом приоткрыв словно налитые свинцом веки, он недоумённо уставился на обстановку незнакомой комнаты. Широченная кованая кровать, чёрные шёлковые простыни, замысловатые пентаграммы на стенах, огромный дубовый шкаф в углу и всё ещё тлеющий камин, не добавлявший чужой спальне ни капли уюта.

— Вот черт, — прошипел он, ощупывая отзывающуюся набатом голову и с удивлением соображая, что, судя по ощущениям, он совершенно, то есть абсолютно, голый. В чужой спальне. — Где это я?

Мирное сопение где-то справа на секунду прервалось тихим всхрапом и продолжилось. Ваня замер и, стараясь не делать резких движений, осторожно повернулся в сторону подозрительных звуков.

Буквально в паре сантиметров от него, завернувшись по грудь в смятую простынь, спало тело.

Явно мужское.

Явно тоже голое.

И, судя по ёжику тёмно-шоколадных волос на затылке и татуировкам на предплечьях, явно знакомое.

— Вот черт, — повторился Ваня. — Да что ж вчера было-то?

Словно услышав его, Костик опять всхрапнул и перевернулся на спину. Парень с ужасом уставился на цепочку пугающих, тёмно-лиловых пятен, спускающихся по его шее куда-то на грудь и исчезающих под прикрытием простыни.

— Твою мать, — испуганно взвыл Ваня. — Неужели полынь сработала? Твою мать! Твою мать! Твою мать! Я же пошутил...

Стараясь не разбудить спящего Кощей, он осторожно протянул руку, собираясь проверить насколько сильно распространилась сыпь, когда его остановил сиплый, словно сорванный голос:

— Если эта конечность сдвинется ещё хоть на миллиметр, клянусь мамой, я тебе обеспечу пожизненное пособие по инвалидности от службы социального страхования.

— Коть... — отдёргнув руку, неуверенно протянул Ваня, — а ты как себя чувствуешь?

— Рассольчика не помешало бы, — заявил тот не открывая глаз. — И чё-то как-то ломит во всём теле. Ты мне вчера решил алкогольное отравление устроить?

— Отравление? — нервно сглотнул блондин. — Коть... А, Коть, у тебя это, аллергия какая-то.

— Да какая у меня может быть аллергия? — лениво приоткрыв один глаз, уставился на него Костик. — И прекрати меня так называть!

— Ты сам посмотри, — упорствовал Царевич. — На шее, и на груди. Коть, надо что-то делать.

— О Господи! Когда же ты уже поймёшь? Я — бессмертный. Я не болею. У меня не бывает аллергии, — бормотал Кощей, создавая прямо над собой магическое зеркало.
— Я не... ЭТО ЧТО ЗА...

— Я думаю, это аллергия на полынь... — начал Ваня, но его грубо перебили.

— Не, Лап, это не аллергия, — прошипел Кощей, резко сев на кровати и со злым удивлением обнаружив собственную наготу. — Ванечка? Беги, убивец, беги, зараза. Ты, кажется, боя хотел? Ну, так я тебе его устрою прямо сейчас!

Выходи, подлый трус!

— Выходи, я сказал! — орал взбешённый Кощей под коваными дверями пыточной, в которой малодушно, хотя и дальновидно, заперся Ваня. — Выходи! Хуже будет!

— А с фи́га ли мне выходить, если будет хуже? — логично поинтересовался тот.

— Выходи сейчас же! — выдавшая многое массивная тяжеленная дверь содрогалась под ударами, сила которых всё больше и больше укрепляла Ванечку в правильности решения повременить с выяснением отношений нос, так сказать, к носу. — Поговорить надо!

— Да мне и тут тебя неплохо слышно.

— Да я тебя... А ты... Да ты... — бушевавший хозяин занятого помещения просто не находил подходящих слов, дабы выразить всё, что чувствовал в тот момент. Ещё раз саданув по двери кованым носком сапога, он предложил: — Считай, что я нашёл-таки время для нашего поединка! Ну? Ты выходишь?

— Я больной, по-твоему? — скептически хмыкнули с той стороны. — Ты ж меня убьёшь нахрен!

— Ну, а вдруг тебе повезёт? — изо всех сил пытаюсь сдерживать рвущийся наружу великий и могучий, уговаривал встрёпанный супостат. — Это же твой шанс! Ну, представь: Иван Царевич — победитель Кощей! Как звучит, а?

— Как сказка, — согласился окопавшийся Царевич, — в жанре необоснованного фэнтези. Я Царевич, а не Дурак! Смысл с тобой драться? Ты бессмертный!

— Сейчас до него дошло? — взвыл Кощей. — Чем же ты раньше, Ванечка, думал?

— А на меня, может, озарение снизошло, — огрызнулся блондин и загремел какими-то банками.

— Давно?

— Да с утречка. Аккурат, пока ты меня гонял по всему замку. О, — что-то опять звякнуло и Ваня, почти счастливо протянул: — Рассольчик!

— Не тронь мои соленья, ты, ирод! — взвыл Костик. Ему, признаться тоже очень хотелось бы приложиться к заветной банке. И вот чего этому извергу белобрысому приспичило запереться именно в пыточной? Как вроде знал, гад, что Кощей использует её в качестве погребка. — Ваня, всё равно ведь выйти придётся! У меня времени навалом. Раньше встанешь, раньше...

— Ласты склеишь, — перебил его повеселевший Иван. — Коть, ну давай не сегодня, а? Ты с похмелья...

— О здоровье моём печёшься, зараза? — опять завёлся Костик. — Давай тогда в

четверг?

— В четверг у тебя врач, — напомнил Царевич. — Слушай, а может тебе того... Ну, сейчас с ним поговорить, а?

— Какой врач?! — опешил Бессмертный. — Нафига мне врач?

— У тебя истерика, — авторитетно заявил парень и шарахнулся от двери, в очередной раз застонавшей от сумасшедшего удара.

— Нет у меня истерики! — как-то по девчачьи взвизгнул супостат. — Я спокоен! Я спокоен! Я спо-ко-ен! Давай в пятницу?

— Коть, у тебя экзамен в пятницу, — подозрительно хрюкнули с той стороны. — Тебе готовиться надо. Я не могу так тебя подставить!

— В субботу?

— Так пост же?

— Воскресенье?

— Не богохульствуй, ирод!

— В понедельник?

— С ума сошёл? У Яги день рождения, она нас обоих на рюшки для занавесок порежет!

— Вторник? — обессилено предложил Кощей.

— Во вторник у тебя будет болеть голова.

— С какого перепою?

— Да с того, что будет в понедельник! — Ваня тяжело вздохнул и, заметив что Бессмертный тоже уже вроде как выдохся, миролюбиво повинился: — Коть, ну прости, а? Ну, я правда не знаю, как так получилось. Да и не помню я ничего.

— И я... — раздалось через пару минут. — Ладно, будем считать, что ничего не было. Там рассол ещё остался? — жалобно поинтересовался мучащийся жутким похмельем ирод.

— Не, Коть... — Ваня отпер дверь и запустил его вовнутрь. — Но я там у тебя бражку видел. Самое оно опохмелиться.

Ваню мучило жуткое ощущение дежавю. Точнее, это ощущение мучило бы его, если бы в

Ванечкином лексиконе присутствовало это заковыристое иностранное словцо. А так, он лишь маялся подозрительно знакомой головной болью и боролся сам с собой в опять-таки знакомой попытке продрать глаза, когда на горле неожиданно сжались чьи-то сильные руки и не менее знакомый голос (кто б пояснил нашему царевичу, что это обилие всевозможных смутно-знакомых в незнакомом, и есть то самое таинственное дежавю) зло прошипел в самое ухо:

— Второй раз, Лап! Это уже второй раз! Да я...

— Понял, — хрипло прошипел Иван и, совершив невероятный акробатический трюк, вывернулся из цепких рук и ломанулся по знакомому маршруту в пыточную. — Господи, что ж ты такой нервный-то по утрам?

После таких откровений ты просто обязан на мне жениться!

— Так ты домой собираешься отбывать или прописаться тут решил? — задумчиво пробормотал Кощей, лениво развалившись в любимом кресле и выпуская из ноздрей в потолок две узкие струйки дыма.

— Чёй-то ты на трезвую головушку ещё менее покладистый, чем на нетрезвую, — скривился Ваня, потирая затылок, и, переча сам себе, заявил: — Не собираюсь.

— Да я вообще не особо в плане характера, — доверительно сообщил колдун, с удовлетворением отмечая заплывающий лиловым правый глаз блондина. — У тебя с этим проблемы?

— Ну что ты! — съязвил Царевич. — По сравнению с той же Василисой, ты просто душа.

— Душка? — подавился дымом ошарашенный колдун. — Я? Душка? А как же вот это твоё «Выходи на честный бой, супостат постылый»?

— Ну надо же было как-то знакомство завязывать? — беспечно отмахнулся Ванечка.

— Шутка, но, вообще-то, ты тоже хорош! Лягушек в постель мне кто подкладывал?

— А кто всю мою одежду горчичным порошком обсыпал?

— А кто мне в снотворное слабительного намешал?

— А кто меня полынью опоил? Четыре раза подряд!

— А кто баб деревенских на моих глазах тискал?

— Ой, да ты никак ревнуешь? — ехидно ухмыльнулся Кощей, косясь на заливающегося краской Царевича. — Лап?

— А хоть бы и ревную! — выдал тот. — Ещё раз поймаю с какой девицей, ноги переломаю. Понял?

— Нет, не понял! — мгновенно посерьёзnel Костик. — Ты мне кто? Кум? Сват? Брат? Припёрся убивать, а сам уже месяц из моей постели не вылезает! Или это новая тактика — залюбить супостата до смерти?

— А ты бы предпочёл, чтоб мы дрались? — вскинул бровь Ванечка. — И вообще...

— И вообще, — перебил его Кощей. — Ведёшь себя, прости Господи, как ревнивый муж!

— Ирод ты и есть, — пробормотал Ваня. — Не можешь не наставить рога, а?

— О-о-о! — взвился Бессмертный, доведённый уже до белого каления. — Да не было у

меня с ними ничего, ясно тебе, дурень? Не-бы-ло!

— Да видел я это твоё «не было»!

— Так потому и видел — позлить я тебя хотел.

— Зачем? — опешил Ванечка и, озаренный внезапной мыслью, заглянул тому в глаза.

— Постой... Постой... Да ты тоже ревнуешь!

— Пхррр! — фыркнул Костик. — Было бы к кому!

— О-о-о... Тогда тебя не смущает тот факт, что папенька меня за Ваську сватает?

— Убью! — прошипел Кощей и тут же прикусил язык, видя в насмешливых глазах напротив вещественное доказательство своего прокола. — Ну всё, Лап, ты доигрался! После таких откровений ты просто обязан на мне жениться!

— Ох, я думал, ты уже никогда не сподобишься! — вопреки его ожиданиям, обрадовался парень. — Так я согласный!

— Ваня, — попятился Костик к выходу. — Ванюша... Лап, ты чего? Пошутил я, Ванечка.

— А я — нет! Стой! Стой, ирод! Куда побежал? Стоять!

_____ 2 недели спустя _____

«А всё же хорошо, что я поставил в пыточной такую крепкую дверь, — думал Кощей, старательно игнорируя сотрясающие её пинки ногами. — Интересно, сколько она продержится?»

— Коть, — раздался раздосадованный голос с той стороны. — ну что ты, как маленький? Выходи уже.

— Ага, разбежался.

— Ну, давай поговорим?

— Говори! — милостиво позволил он. — Мне прекрасно тебя слышно.

— Коть, ну открой!

— Я священника в окно видел!

— И что? Мы же обо всём договорились.

— Это ты договорился! А я ни на что такое не соглашался! Ишь, чего удумал?

— оскорблённо фыркнул супостат. — Кощей Царевич? Позорище! Да только через мой труп!

— Труп будет немного проблематично организовать, — пробормотал Ванечка, прислоняясь лбом к холодной поверхности двери. — Коть, — позвал он уже громче, — Коть, ну открой, а?

— Фиг!

— Коть, ну что ты психуешь? Можно подумать, ты ни разу женат не был!

— Женат был, — согласился тот, тоже прижимаясь к двери со своей стороны и обводя длинными пальцами кованый рисунок, — а вот замужем ещё ни разу.

— Коть, я не хочу жить с тобой во грехе...

— И не надо! — фыркнул Кошей и насупился. Ишь ты, не хочет он.

-...но буду! — упрямо гнул своё Царевич. — А, может, мы всё же найдём какой-то компромисс?

— Компромисс... И где только слов таких набрался? — буркнул Бессмертный. — Хочешь свадьбу? Бери мою фамилию!

— Так вот как, значит, да?

— Да!

— Ну ладно!

— Ладно? — не поверил Костик услышанному.

— Ладно, ладно, — подтвердил Ваня. — Но только свадьба прямо сейчас!

— Э... А может, в четверг?

— Коть?

— В пятницу?

— НЕМЕДЛЕННО!

— Да ладно, Лап, ладно, понял. Сейчас, так сейчас.

Не злите женщин или Начало другой истории

— Ты, Лап, ничего не хочешь мне объяснить? — худющий, а от того кажущийся ещё более высоким Кощей опасно сощурился и, словно невзначай, потянулся к слегка изогнутому мечу, тускло поблескивающему обоюдоострым лезвием.

— Не, Коть, не хочу, — Ваня лениво откинулся в кресле, вытянул ноги и выразительно скосил глаза сначала на меч колдуна, а затем на свой, удобно устроившийся поперёк колен — тяжёлый, двуручный, рядом с которым тот, первый, казался безобидной зубочисткой. — В таком тоне точно не хочу.

— Тогда, возможно, Вы, юная девица? — Кощей взвесил все за и против и сделал вид, что тянулся вовсе даже и не к колюще-режущему предмету, а просто поворачивался в сторону сидящей по правую руку от Ивана статной эффектной блондинки.

— А что ж тут объяснять-то? — девица сняла кокошник и принялась обмахиваться им на манер веера. — Ты Кощей, что ли?

— Ну?

— Баранки гну, — хрумкнула красотка означенным десертом и требовательно протянула руку: — Бессмертный, да? Паспорт покаж.

— А... — Кощей ошарашенно сглотнул. — А Вы кто, девушка?

— Васька это, — буркнул в сторону Иван.

— Василиса, я б Вас попросила, — поправила гостя. — Свет Ярославовна. Премудрая в девичестве, Бессмертная в скором будущем, да, женишок? — подмигнула она супостату, от чего тот вздрогнул и нервно икнул.

— Обломись, змеюка, — так же тихо пробурчал Ванечка и уже громче добавил: — А не торопишь ли ты события, Васенька?

— А чё тянуть-то? — отмахнулась блондинка. — Раньше сядешь, раньше выйдешь, да, Кощеюшка? Когда свадьбка?

— А никогда, — царевич снова опередил не успевшего даже рот открыть колдуна. — Не бывать этой свадьбе доколе я жив буду!

— Ох, Ванечка, — Василиса легонько и покровительски потрепала его по щеке. — Какой же ты ревнивый, касатик! Тебе папенька разве не сказал, что наша с тобой помолвка расторгнута? Прости, сокол мой ясный, но у меня есть более перспективный жених.

— А вот и нету!

— А вот и есть!

— А вот и нету!

— А вот и есть!

— А вот и...

— Молчать! — Кощей, наконец, вспомнил, кто из них троих колдун злобный и коварный зело и стукнул изящным кулаком по столу. Ваня сглотнул и переложил меч поудобнее — изящный-то он изящный, но, как царевич уже не раз имел возможность убедиться, и тяжёлый не в меру тоже. — Василиса свет Ярославовна, а не могли бы Вы поподробнее о том, с какой такой радости мне на Вас, краса моя, жениться?

— Ох, касатик, — девушка мгновенно прекратила яростную перебранку с бывшим женишком и лучезарно улыбнулась нынешнему. — Я — красавица и не замужем, ты — красавец, — тут Василиса слегка запнулась, но всё же продолжила, — и не женат. Так почему же двум любящим сердцам не объединиться?

— И земли евойные тут, конечно же, ни коим боком не лежали, да, Васенька? — ехидно перебил Иван.

— А тебе вообще слова не давали, — заткнул его Кощей. — Ты, басурман, как оказалось, притащился сюда, чтоб меня убить, а земли — себе забрать.

— Да, но...

— Спасибо Василисушке, просветила меня.

— Да, но...

— А как убить не получилось, так ты...

— Да послушай...

— Так что, чья б корова мычала! — обрубил супостат и, потянувшись через стол, взял девушку за руку. — Так что Вы там, пава, о свадьбе говорили?

Следующие пара часов были наполнены нескончаемым щебетом белокурой царевны, расписывающей все реальные и в наглую придуманные преимущества брака сильнейшего из колдунов современности (святая правда) с наипрекраснейшей (можно поспорить, но в общем-то...) и наимудрейшей (а вот тут фиг поспоришь) из женщин. И с каждой фразой, каждым аргументом, каждым полным превосходства взглядом, бросаемым девушкой на застывшего в своём кресле Ивана, тот становился всё мрачнее и мрачнее. Потому как было предельно ясно — то, что предлагала эта премудрая змеюка, а точнее — как она это излагала, было неимоверно далеко от того, что мог дать сам простой как валенок Ванечка.

Выбор был очевиден, но развесивший уши колдун почему-то не торопился его делать. Внимательно выслушивая заливающуюся соловьём Василису, он не забывал время от

времени кидать в сторону царевича какие-то странные тяжёлые взгляды, которые тот затруднялся интерпретировать. То ли поощряет к чему-то, то ли предупреждает о чём-то. Но вот, наконец, девушка закончила свою агитационную программу и выжидающе приподняла бровь. Ваня затаил дыхание.

— Это очень интересно, краса моя, — кивнул Кощей, а царевич скрипнул зубами. — Я бы даже сказал, впечатляюще. Одна проблема, — супостат сделал театральную паузу и уставился прямо в глаза Ивану. — Я уже окольцован.

— Как окольцован? — охнула Василиса.

— Окольцован, да, — несмело улыбнулся Ванечка, но тут же осёкся — Костик щурился в ответ совсем не радостно.

— Э... Ну, думаю, эту проблему, — пришла в себя девушка, — вполне можно решить.

— Вот уж фиг вам! — не выдержал, наконец, Иван и, сорвавшись со своего места, двинулся к Кощей. — Развод захотел, ирод? А накуси-выкуси! — скрутил он из кулака и большого пальца своё отношение к такой постановке вопроса. — Не дам! Хошь на Ваське жениться — придётся тебе, муженёк, сначала вдовцом стать!

— Как муженёк? — в который раз охнула царевна. Ваня, проходя мимо, ткнул ей в руку какую-то грамоту и продолжил наступать на Бессмертного, взирающего на сие действие, надо сказать, с большим интересом.

— Да неужто оно, Ванечка, — протянул колдун, — стоит того? Земли тёмные и дремучие на жизнь молодецкую менять? Ты б подумал, сокол.

— Да что тут думать-то? — перебил его муж, подойдя вплотную и опускаясь на колени перед Кощей. — Земли-шмемли. Ну, хочешь, я их назад тебе отпишу, а? Коть...

— Что?

— Коть... Коть, ну прости, а?

— И?

— И это...

— Я жду.

— Коть, ну... Как бэ...

— Какой такой Иван Бессмертный? — дошла Василиса, наконец, до нужной графы в грамоте. — Ты что же, Ванечка, решил моими методами?..

— Коть, не верь ей! — выпалил царевич. — Я по любви! — и осёкся, услышав тихий смех в ответ.

— Да знаю я, — Кощей наклонился и легонько боднул его лоб своим. — У меня же сестра — ведунья. Забыл, что ли? Но прощения ещё долго будешь выпрашивать, махинатор доморощенный.

Молодожёны были так заняты выяснением отношений, что не обратили внимания, как ошарашенно разглядывающая их гостья протянула:

— Не-е-е... Ну это уже ни в какие ворота. От меня ещё никогда женихи не уходили парами. Неужто вы думаете, что я это вот так оставлю, а?

А зря, зря.

Но, это уже совсем другая история.